

Надруковано:

Вишницкая Ю. В. Мифологические сценарии в современном мире: проблема прочтения // Мовні і концептуальні картини світу: Збірник наукових праць. Випуск 38. – К.: КНУ ім. Т. Шевченка, 2012. – 496 с. – 135-141. **фахове видання**

Вишницкая Ю.В.,
доцент кафедры теории, истории и
методики преподавания зарубежной
литературы Гуманитарного института
Киевского университета
имени Бориса Гринченко,
кандидат филологических наук

Мифологические сценарии в современном мире: проблема прочтения

У статті зроблено спробу окреслити проблемне коло питань, пов'язаних із прочитанням міфологічних сценаріїв, зокрема ритуалу ініціації. На матеріалі духовно-сакральної літератури досліджено міфологічний етносценарій «повернення в хаос». Сценарій реконструйовано через призму універсальної міфологеми шляху з використанням фреймового аналізу.

Ключові слова: ініціація, міф, міфологічний сценарій, ритуал, сакральний, слот, трансформація, фрейм.

В статье сделана попытка описания проблемных вопросов, связанных с прочтением мифологических сценариев, в частности ритуала инициации. На материале духовно-сакральной литературы исследован мифологический этносценарий «возвращения в хаос». Сценарий реконструирован через призму универсальной мифологеми пути с использованием фреймового анализа.

Ключевые слова: инициация, миф, мифологический сценарий, ритуал, сакральный, слот, трансформация, фрейм.

The article attempts to describe the problematic issues associated with the reading of the mythological scenarios, in particular ritual of initiation. The mythological ethnical script of “return to chaos” is being researched on the material of the religious literature. It is being reconstructed through the prism of the universal mythologeme of “the road” with the use of the frame analysis.

Keywords: initiation, myth, mythological script, ritual, sacred, slot, transformation, frame.

Последнее столетие Вселенная, энтропия которой возросла в миллионы раз, пытается включить механизмы защиты от разрушительного действия информационного хаоса. Огромное количество информации, хранящееся в пространстве, требует упорядочивания и спрессованности. Именно поиском и изучением механизмов такой компрессии и занимается сегодня лингвистическая наука. Вселенная, обладая «скрытой памятью» и уникальной способностью протягивать смысловые нити по временной вертикали, моделирует своего рода схемы, сценарии, модели, которые представляют в сжатом виде знания о мире.

Наибольшей «памятью» обладают мифологические сценарии, так как, будучи «парадигматическими единицами» [Гуріна 1997], они моделируют Вселенную как текст. Пересекаясь с реальностью, мифологические сценарии, призванные описывать мир неосознанного, трансцендентного [см. об этом:

Чуличков], претерпевают ряд изменений, что влечет за собой сложности интерпретации.

Первая проблема прочтения состоит в механизме описания мифологических сценариев, которые, объективируясь в текстах, представляют как лингвистическую, так и экстралингвистическую информацию. Поэтому необходим поиск релевантных способов их описания.

Среди видов моделирования информации одними из наиболее продуктивных называют фреймы.

Теория фреймов (от англ. frame – «рамка, граница, каркас» и т.п.), взятая языкознанием из области искусственного интеллекта, «прижилась» и последние десятилетия очень успешно развивается в когнитивной лингвистике.

Появившись в 1974 году, понятие «фрейм» изначально понималось в логико-семиотической системе как набор конкретных знаний, связанных между собой тематически, наряду с такими лингвистическими категориями, как «широкий контекст», «фоновые знания» [см. об этом: Науменко 2005, 55].

Впервые на актуализацию фоновых знаний в памяти человека во время восприятия им сообщения обратил внимание Ф. Барлетт в 1932 году и назвал ее «схемой» [Барлетт]. Но если Ф. Барлетт, как замечает А.М.Науменко [Науменко 2005, 56], только акцентировал внимание на значительной роли предыдущего общесоциального опыта для психологически-семантического понимания нового текста, то Марвин Минский, спустя полвека, что называется, возвел его в «концептуальный абсолют» [Науменко 2005, 56]. Согласно Минскому, фрейм – это структура данных, представляющих стереотипную ситуацию. Наглядным примером работы фрейма Марвин Минский предложил ситуацию, объясняющую способность человека видеть, «охватывать все единым взглядом»: когда человек заходит в новую комнату. Эту способность ученый считал иллюзорной, так как «на самом деле видение – это протяжений во времени процесс» [см. об этом: Чарняк 1983], и в действительности люди сводят конкретные предметы к их прототипам, «в результате чего у них и формируются их собственные представления о стандартных предметах (как бы вводятся переменные с незаполненными значениями)» [Чарняк 1983, 173].

Перенесение термина «фрейм» в лингвистику из сферы информационных технологий стало, по мнению лингвиста А. М. Науменко, «экспериментальным нонсенсом, логической ошибкой, так как мыслительные процессы, для описания которых Марвин Минский придумал термин «фрейм», не адекватны вербальным [Науменко 2005, 56-57].

Процессы лингвистического терминообразования активно продолжаются и сегодня. Так, «фрейм» М. Минского, заменивший «схему» Ф. Барлетта, стал наполняться новыми смысловыми нюансами и синонимично заменяться «скриптами», «сценариями», «глобальными моделями», «псевдотекстами», «базой», «сценой» и мн. др. (см. работы Ч.Филлмора который в 1985 году пытался сделать реестр терминологических новообразований: [Филлмор 1988]). Все они, как справедливо замечает Филлмор, так или иначе отражают теорию семантического поля, введенную еще в 1931 году Й. Триром.

Таким образом, лексема «фрейм» имеет двойкий характер: формально соотносится с понятиями когнитивной лингвистики, а по смыслу – с традиционным «контекстом», о чем говорит и В. Манакин: «когнитивная

лингвистика оперирует не языковыми элементами (это понятие структурной лингвистики), а единицами, причем особенными по своей природе: они являются проводниками различного рода информации в языке и через язык. Для названия этих единиц чаще всего используют термины «семантемы», «фреймы», «концепты», общим знаменателем которых является возможность передавать /.../ концептуально-когнитивную информацию людей о мире и о себе в нем» [Манакин 2004].

Фреймы как семантические проводники репрезентирует в сознании человека стереотипные ситуации, которые часто являются закомуфлированными, секуляризованными мифологическими сценариями. Так возникает проблема родовидовых отношений этих информационных моделей: считать фрейм и мифологический сценарий синонимами или мифологический сценарий – видом фрейма, одной из его репрезентаций?

По мнению ученых, в основе теории фреймов лежит гипотеза о том, что мировоззренческие знания формируются по определенным сценариям как фиксированный набор стереотипных ситуаций и могут быть описаны как результат заполнения рамок, или фреймов. Стереотипность фрейма способствует не только сохранению информации, но и познанию новой. Пытаясь познать новую для себя информацию, индивид выбирает из своей памяти нужный фрейм с таким расчетом, чтоб путем замены в нем отдельных деталей сделать его способным для понимания большего класса явлений или процессов [см.: Засекина, 2001].

Именно существование в фрейме потенциальной информации (которую Марвин Минский соотносит с фреймами третьего типа, описывающими стереотипные ситуации, и называет их «фреймами сценариев» [Минский 1979]), делает его открытой структурой. Заполнение пустых «узлов», «слотов», переменными (то есть конкретными для исследуемой ситуации данными) свидетельствует о продуктивности такой «упаковки», так как «каждый слот содержит какой-то тип информации, релевантной концепту» [см.: Пантелей] и является тем «мостиком», который позволяет связать когнитивный и языковой уровни, соединяя узлы фрейма с компонентами вербальной структуры [Тишко 2009, 398].

«Прочтение» заполненных переменными слотов фреймов является второй проблемой интерпретации мифологических сценариев, потому что «...каждый фрейм как структура хранит знания о предметной области (фрейм-прототип), а при заполнении слотов знаниями превращается в конкретный фрейм события или явления» [Никонова 2008, 227].

С.А.Жаботинская выделяет пять базовых фреймов: акциональные, посесивные, предметные, таксономические и компаративные [Жаботинская 1999]. Все они прочитываются в публицистических текстах, моделирующих мифологические сценарии, одним из которых является ритуал инициации.

Первый этап инициации в духовно-сакральной литературе эксплицируется предметно-акциональным фреймом «Отделение». «Отделение» происходит или в «осовремененной» «хижине», или в «пещере». Все слоты терминала «локус» фрейма «Отделение» представлены концептуальной метафорой «пустыня (хижина, пещера) одиночества» и маркированы изолированностью, тишиной и отдаленностью от мира суеты.

Характерно, что публицистические тексты одинаково выдвигают оба полюса ценностной вертикали: пустыня одиночества как место «личностного роста» и как место достижения абстрактного идеала. Терминал «Локус» «пустыня одиночества» смыкает верифицированную инициацию и псевдоинициацию. Первая, истинная, «пустыня одиночества» маркирована «пробуждением, рождением», сопряженными с преодолением препятствий, которые имеют большей частью внутренний характер, так как *«тишина и одиночество»* для иницируемого – символ освобождения от *«внутреннего хлама»*: *«Залежи хлама внутри слишком велики, чтобы созерцать лазурь с первой попытки»* (Отрок №5, 2009, 27). «Пустыня», вынесенная за пределы мира реального бытия, «мира зла», является псевдолокусом, антиакциональным терминалом фрейма «Отделение»; включенная же в мир реального бытия, «временная» и «относительная» «пустыня» представляет собой символ истинного начала движения на пути инициации, так как именно в ней происходят истинные внутренние преобразования ступившего на путь познания высшей истины. Религиозно-сакральная литература многократно актуализирует сценарий возвращения в первоначальный хаос как первую ступень инициации.

Сценарий «Возвращение в хаос», во-первых, разворачивается в локусно замкнутых пространствах: *«закрытого на ключ дома», «незнакомых, холодных коридоров», «зарослей городского парка»*; во-вторых, идентифицируется с чувством абсолютной покинутости, брошенности, опасности, беспомощности, безысходности, отчаяния, одиночества; в-третьих, семантически отождествляется с путем схождения в ад, маркированным крошечной тьмой, чувством разрыва, пропасти и пр.

Фрейм «Отделение», являющийся воспроизведением мифологического сценария «Возвращение в первоначальный хаос», на страницах периодических изданий «Отрок», «Фома» имеет такую структуру: [некто (агнец – иницируемый), руководствуясь определенным стимулом (духовное преобразование, постижение духовных истин, поиск истинного пути), входит (помещается, изолируется) в определенное место (локус) на определенное время (хронотоп)]. Терминал «агнец» представлен метонимическими формами объективации внутреннего состояния иницируемого: одиночество, страх, робость, благоговение, трепет, опасность, разлука, пропасть, разрыв, страх и т.п., являющиеся семантическими синонимами мифологического хаоса. Терминал «локус» представляет собой ряд слотов *«пустыня», «пещера», «хижина», «коридоры», «заросли»* и пр., отмеченных, с одной стороны, изолированностью, отдаленностью, закрытостью, огражденностью, непроницаемостью, а с другой стороны – колоративными изоморфами «тьмы»: холод, ад и т.п. «Отделение» как локусно, так и хронотопически, ограничено. Все тексты духовно-сакральной сферы фиксируют временное «погружение», «возвращение в хаос»: *«...хотя бы полчаса тишины...»* (Отрок №5, 2009, 26-27). Итак, отделение от привычной среды, во-первых, сопряжено со страхом, тревогой, опасностью, во-вторых, изоляция имеет не только локусный характер, но и психологический: иницируемый чувствует абсолютное одиночество, и в-

третьих, этот этап, во многом соотносимый с символической смертью, связан с жесткими испытаниям, которые должен пройти иницируемый.

«Прочтение» мифологического сценария «Возвращения в хаос» как отражение ритуала инициации вызвало несколько вопросов, связанных с классификацией базовых фреймов. Таксономичный фрейм, который представляет отношения категоризации, в исследуемом сценарии выглядит следующим образом: «КТО-ТО (род) является КЕМ-ТО (роль)»: «вышедший на поиски истины играет роль иницируемого»: *«Для человека важно принять на себя ответственность за собственную жизнь и все, что в ней происходит. Найти свой уникальный смысл и предназначение, свой путь с миллионами решений и выборов. Это пугает - ведь для этого нужно стать сильным, взрослым, готовым к трудностям»* (Отрок, №4, 2009, с. 32).

Предметный фрейм, референт которого характеризуется по качественным, локативным, темпоральным и количественным параметрам [см. Пантелей], репрезентирован таким набором пропозиций: «НЕКТО референт ИНИЦИРУЕМЫЙ является ТАКИМ (свойства: потерянный, страдающий, ищущий, одинокий и т.п.); существует ТАК (способ бытия: изолированно, отдаленно от привычной среды и пр.); существует ТАМ (локус «отдаления»); существует ТОГДА (время: сейчас, в настоящем); существует СТОЛЬКО (количество: время изоляции ограничено)». Характерно, что исследуемые тексты выделяют в основном не естественные, природные, и социокультурные, а индивидуально-психологические свойства референта: его морально-этические и поведенческие характеристики. Последнее и определяет особенность «наполнения» посесивного фрейма, который демонстрирует связь: «КТО-ТО (иницируемый) имеет ЧТО-ТО (предмет собственности)». Но именно в сценарии, отражающем ритуал инициации, иницируемый на время отказывается от собственности, изолируясь и в прямом, и в переносном значениях от социума в «*пещеры одиночества*» (которые могут быть иллюзорными «локусами отдаления»). Поэтому связь между элементами в посесивном фрейме нарушена, а такое нарушение, и даже отсутствие связи и является непременным условием ритуала инициации.

В акциональном фрейме актанты предметно-референтной ситуации наделены аргументированными ролями: НЕКТО (иницируемый) ДЕЙСТВУЕТ РАДИ ЧЕГО-ТО (цели и результата: поиск истинного пути): *«В этом мире нет евангельской точки отсчета «высот добродетели и глубин негодяйства», а потому ключевые понятия человеческого сознания – понятия добра и зла в пользу зла – лишены смысла. В этом мудрость любви Господа к Своим творениям – не просто поставить их на путь истинный, а дать им возможность этот единственный путь искать и находить»* (Отрок, № 6, 2008, с. 45).

Компаративный фрейм формируется связями тождества и подобия, что является концептуальной основой метафоры: «КТО-ТО как КТО-ТО» («ЧТО-ТО» подобно «ЧУМУ-ТО»): *«... выбор пути к своему истинному «я» - к образу и подобию Господа в каждом из нас»* (Отрок, № 6, 2008, с. 44). Наиболее

частотным среди кодов дешифровки образа иницируемого в духовно-сакральной литературе можно считать теистический код, эксплицирующий верхнюю точку пути по ценностной вертикали.

Итак, на примере мифологического сценария «возвращение в первоначальный хаос», отражающего ритуал инициации, мы видим, что «фреймовое» «прочтение», с одной стороны, упрощает интерпретацию, так как фреймы, объединяющие разнообразные знания человека, его опыт и характеризующиеся максимальной формализованностью и энциклопедичностью, дают ключ «к раскрытию механизмов концептуализации вербализованных понятий и явлений окружающей действительности...» [Никонова 2008, 224], объясняют многие языковые феномены с позиций когнитивного анализа и, что очень важно, предоставляют возможности прогнозирования, ожидания, допущения. Но, с другой стороны, фрейм не всегда охватывает все возможные значения, эксплицируемые и имплицитные текстами.

Литература:

- Бартлетт Ф. Человек запоминает // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-352.html>
- Гуріна А.В. Міфологічна семантика і традиційна культура // Культура України. Збірник статей: Вип. 4 / Під ред. проф. М.В.Дяченка. – Х., 1997. – 199 с. – С. 51-57.
- Засекіна Л.В. Методологія психолінгвістичних досліджень // Вісн. Харків. нац. ун-ту, 2001. - №520. – Вип. 3. - С.69 – 73.
- Жаботинская С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов / С.А.Жаботинская // Вісник Черкаського державного університету. – 1999. – Вип. 11. – С. 12-25.
- Кукса І.М. Фреймове моделювання мовленнєвого жанру теледебатів // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. – № 9 (220), Ч. II. – Київ, 2011. – С. 52-57.
- Козак С.В. «Людина і природа» у змалюванні побуту в літературно-художньому дискурсі / С.Козак // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/portal/natural/vkhnu/Rgf/2011_953/11ksvlhd.pdf
- Колесник А.С. Языковые средства создания мифологической картины мира: лингвокогнитивный аспект (на материале древнеанглийского эпоса и современных британских художественных произведений жанра фэнтези). – Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки. – Киевский национальный лингвистический университет, Киев, 2003. // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://31f.ru/author-abstract/page,7,227-avtoreferat-yazykovye-sredstva-otrazheniya-mifologicheskoy-kartiny-mira-lingvokognitivnyj-aspekt.html>
- Манакин В.М. Сопоставительная лексикология. – К.: Знання, 2004. – 326с.
- Минский М. Фреймы для представления знаний: Пер. с англ. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.
- Науменко А.М. Філологічний аналіз тексту (Основи лінгвопоетики). Навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів – Вінниця: НОВА КНИГА, 2005. – 416 с. – С. 55-59.
- Никонова Ж.В. Основные этапы фреймового аналізу речевих актів // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2008. – № 6. – С. 224-228.
- Пантелей М.В. Фреймовий аналіз понятійного складника лінгвокультурного концепту POLITICIAN/ПОЛІТИК у британському газетному дискурсі // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://bibl.kma.mk.ua/pdf/novitfilolog/13/62.pdf>
- Тишко О.В., Коцюк Л.М. Лінгвістичний аналіз поняття фрейму // Наукові записки Острозької Академії. Серія «Філологія». Випуск 11. — Острог, 2009. – С. 391-399.
- Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания: Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52-92.

Чарняк Ю. Умозаключения и знания / Ю.Чарняк // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. XII. – С. 171-207.

Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта / У.Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. XII. – С. 35-73.

Чуличков А.И. Соотношение естественнонаучной и мифологической картин мира // Электронный ресурс. Режим доступа:

<http://www.newacropolis.org.ua/ua/study/conference/?thesis=4313>